

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 130

(М а й).

1909.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: 0 явленіяхъ Господа по Воскресеніи.—Теплопрохладность нашей вѣры. (Поученіе въ день Вознесенія Господня). *Инспектора Вологодской Дух. Сем. Н. Хильтова.*—Гоголь, какъ хрістіанинъ. Мысли Гоголя о вѣрѣ и Церкви, о Царѣ и Отечествѣ. **—Чѣмъ жива наша русская православная душа. *Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*

Прилагается къ Вслог. Енарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

О ЯВЛЕНІЯХЪ ГОСПОДА ПО ВОСКРЕСЕНІИ.

*В*енми *четыредесятью* являясь имъ (Дѣян. I, 3). Въ то время Христось уже не постоянно былъ съ апостолами, не такъ, какъ до воскресенія. Не сказалъ: *четыредесять* дней, но *денми четыредесятью*, такъ какъ Христось являлся и опять скрывался. Для чего же такъ? Чтобы возвысить мысли учениковъ и не допустить ихъ обращаться съ Нимъ по прежнему... Почему же Онъ являлся не всѣмъ, а только апостоламъ? Потому что народу, не знавшему неизреченнаго таинства, Онъ показался - бы при видѣнїемъ. Если и сами ученики сначала не вѣрили, приходили въ смущеніе и нуждались въ прикосновеніи рукою и въ общеніи трапезы, то чего естественно слѣдовало ожидать отъ народа? Потому-то воскресеніе неопровержимо и доказывается чудесами, чтобы оно было несомнѣннымъ не только для тогдашнихъ людей, но и для всѣхъ послѣдующихъ родовъ. Что у первыхъ происходило оттого, что они видѣли чудеса, то у всѣхъ послѣдующихъ должно было происходить отъ вѣры. Поэтому отсюда мы заимствуемъ доказательства и противъ невѣрныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не воскресъ, но остался умершимъ, то какимъ образомъ апостолы совершали знаменія Его имени? Или не совершали знаменій? Въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ возникъ нашъ христіанскій родъ? Этого невѣрные, конечно, ужъ не стануть отвергать и не будутъ спорить противъ того, что видятъ; а потому, когда они говорятъ, что знаменій не было, то тѣмъ еще больше безчестяютъ сами себя. Въ самомъ дѣлѣ, то было-бы величайшее чудо, если бы безъ чудесъ вся вселенная прибѣгла ко Христу, будучи уловлена двѣнадцатю бѣдными и неучеными людьми. Не множествомъ богатства, не мудростію словъ, не другимъ чѣмъ нибудь подобнымъ побѣдили рыбаки, такъ что поневолѣ должно признать, что въ нихъ была сила божественная, такъ какъ невѣроятно, чтобы сила человѣческая могла столько сдѣлать. Поэтому и Самъ Христось оставался на землѣ послѣ воскресенія сорокъ дней, давая видѣть Себя въ теченіе продолжительнаго вре-

мени, чтобы не сочли видимаго привидѣніемъ. Да и этимъ Онъ не удовольствовался, но присовокупилъ еще и трапезу, о чемъ далѣе богоглаголивый Лука повѣствуетъ: *съ ними же и ядый* (ст. 4). Это всегда сами апостолы считали доказательствомъ воскресенія, говоря: *имже съ Нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян, X, 41). А что Христосъ дѣлалъ во время Своихъ явленій, это показано въ послѣдующихъ словахъ: *являясь имъ и глаголя яже о царствіи Божіи* (ст. 3). А такъ какъ апостоламъ надлежало выступить на великіе подвиги, то Онъ, ободряя ихъ словами о будущемъ, *повелъ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отца, еже слышастъ отъ Мене* (ст. 4.). Когда же, скажешь, они слышали? Тогда, когда Онъ говорилъ имъ: *уне есть вамъ, да Азь иду: аще бо не иду Азь, Утѣшитель не придетъ къ вамъ* (Іоан. XVI, 7). И опять: *Азь умолю Отца, и иного Утѣшителя послетъ вамъ, да будетъ съ вами.* (ст. 16).

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

ТЕПЛОПРОХЛАДНОСТЬ НАШЕЙ ВѢРЫ

(Поученіе въ день Вознесенія Господня).

Что стоите, зряще на небо?—сказали явившіеся Ангелы Апостоламъ, стоявшимъ съ очами, устремленными туда, гдѣ только что облако скрыло отъ взора ихъ Учителя и Господа. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, II). И послѣ сихъ словъ небожителей Апостолы возвращаются въ Іерусалимъ и,—смотрите,—готовятся къ великому дѣлу благовѣстія евангелія всему міру, готовятся къ тому дѣлу, на которое и были избраны и облечены полномочіями отъ Господа, значить идутъ и совершаютъ свое дѣло.

Этотъ гласъ Ангеловъ, обращенный къ апостоламъ, обращенъ и ко всѣмъ намъ, братіе—Христіане! И мы всѣ призываемся нынѣ не *стоять*, созерцая вознесеніе Господа съ прославленною плотію на небо, открывшаго и для насъ, *рожденныхъ отъ плоти*, „райскія двери“, не медлить, а поспѣшно идти дѣлать свое дѣло, дѣло христіанина, памятуя, что Господь паки придетъ судить каждому по дѣломъ его, придетъ и призоветъ къ отвѣту рабовъ Своихъ, купленныхъ дорогою цѣною Его безцѣнной крови,—какъ они воспользовались дарованными средствами ко спасенію.

А дѣло хрістіанина—быть вѣрнымъ и ревностнымъ послѣдователемъ Хріста, всюду и вездѣ въ жизни своей идти съ Хрістомъ и за Хрістомъ, отказаться отъ своего „я“, отъ своей воли, а жить по волѣ и заповѣдямъ Хріста такъ, чтобы каждый могъ подобно апостолу сказать о себѣ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Хрістоу* (Гал. II, 20).

Что-же, таковы-ли мы, именующіе себя хрістіанами? Можемъ-ли мы сказать, что Хрістоу живетъ въ насъ, что Его святая воля, а не наша, управляетъ нами?

Нѣтъ! Совѣсть наша, слыша это, творитъ молитву мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику* (Лук. XVII, 13).

Но мы по крайней мѣрѣ стремимся къ этому? И этого не позволяетъ намъ сказать совѣсть. Тогда, какіе-же мы хрістіане? Не такіе-ли которымъ говоритъ Господь: *Знаю дѣла твои: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если-бы ты былъ холоденъ или горячъ!* (Апок. III, 15).

Не мы-ли это, сыны вѣка сего? Мы не холодны такъ какъ не вполне удалились отъ служенія Господу: мы держимся православной вѣры, въ которой воспитаны съ младенческой колыбели, мы приступаемъ къ таинствамъ, въ праздники ходимъ въ храмъ Божій, читаемъ слово Божіе, совершаемъ нѣкоторыя дѣла милосердія. Но мы не горячи въ смыслѣ евангельскомъ, потому что любовь къ Богу и ревность о Его славѣ не на первомъ мѣстѣ въ нашемъ сердцѣ. Кто изъ насъ можетъ сказать о себѣ, что молитва, чтеніе слова Божія и жить по Божьему слову, храмъ

Божій—это моя первая, насущная потребность, мое истинное и любимое наслаждение?

Да, братіе, сознаемся, мы тепловаты въ дѣлѣ вѣры и это религиозное равнодушіе—болѣзнь нашего времени, болѣзнь серьезная и опасная. Она—пагубное противохрістіанское настроеніе, потому что отводитъ отъ Хріста и ведетъ въ пагубу. *Такъ какъ ты теплъ, а не холоденъ и не горячъ, то Я извергну тебя отъ устъ Моихъ* (Апок. III, 16), говоритъ Господь таковымъ хрістіанамъ.

Но, быть можетъ, кто-нибудь удивленно спроситъ: неужели религиозное равнодушіе хуже, пагубнѣе прямой холодности? Въ этомъ то вопросѣ и сказывается вся пагубность религиознаго равнодушія. Оно усыпляетъ нашу совѣсть, успокоиваетъ ее, говоря намъ: ты все-таки хрістіанинъ,—и хрістіанинъ забываетъ, что Господу нуженъ и угоденъ не *все-таки* хрістіанинъ, а *всепълый* хрістіанинъ. Иное дѣло явный врагъ—чистая холодность: чѣмъ успокоить совѣсть этого врага Хрістова?

Душа наша больна и болѣзнь ея опасная и, если мы не будемъ лѣчиться, глаголь Божій—*извергну тебя отъ устъ Моихъ* во всей силѣ исполнится надъ нами. *Небо и земля прейдетъ, слова-же Господни не прейдутъ.*

Что же, братіе! Неужели мы будемъ неподвижны въ своей духовной болѣзни, не будемъ принимать никакихъ мѣръ противъ нея? Вѣдь когда опасная болѣзнь поражаетъ наше тѣло—не обращаемся-ли мы ко врачу, не прибѣгаемъ ли къ всевозможнымъ средствамъ, жертвуя часто послѣдними матеріальными достатками, лишь бы сохранить жизнь, для которой рано или поздно наступитъ часъ смертный? *А душа не больше ли тѣла*, и вопросъ здѣсь не о временной жизни, а о вѣчной. Нѣтъ! Выйдемъ изъ своей неподвижности! Пойдемъ подобно апостоламъ на дѣланіе свое, обратимся ко Хрісту, Божественному Врачу душъ нашихъ! И Сей дивный Врачъ не далекъ отъ насъ. *Се стою при дверехъ и толку* (Апок. III. 20).

Что это? Вѣрно-ли воспринимаетъ сей гласъ ухо наше? Господь Богъ Вседержитель стоитъ у дверей моего сердца, Творецъ спрашиваетъ Свое созданіе? И о чемъ? О томъ, чтобы человѣкъ вспомнилъ о своемъ благѣ? Велика милость, велико милосердіе Божіе—велика духовная слѣпота человѣка! Господь даруетъ намъ спасеніе и Самъ же стоитъ у дверей нашего сердца, прося насъ воспользоваться даруемымъ спасеніемъ!

Да, братіе! Господь стучитъ въ наше сердце въ продолженіи всей нашей земной жизни. Онъ стучитъ благодареніями, чтобы привлечь насъ ко спасенію чрезъ благодарность къ Творцу, *благодѣвшему намъ*, чтобы мы полюбили Того, *Кто первые возлюбилъ насъ* (1 Іоан. IV, 19).

Онъ стучитъ чрезъ испытанія и несчастія, чтобы сердце наше

на опытъ познало тлѣнность и непрочность земныхъ благъ и устремилось *горѣ* къ вѣчному и совершенному.

Онъ стучитъ чрезъ проповѣдниковъ евангельской истины, чрезъ благодать святыхъ таинствъ. И отъ насъ требуется, чтобы мы услышали голосъ—стукъ Господа. Этотъ голосъ заглушается волнуемымъ вокругъ насъ житейскимъ моремъ, когда мы дѣйствуемъ внѣ себя, во внѣшнемъ мірѣ. Но когда человѣкъ придетъ въ себя (Луки XV. 17), когда заглянетъ въ святилище совѣсти, въ тайники своей души, онъ услышитъ голосъ Господа. Въ душѣ, сотворенной по образу Божію, теплится свѣтъ, (Іоан. 1, 5) который доведетъ до тихаго пристанища: душѣ родствененъ, знакомъ голосъ своего Творца.

Услыхавъ голосъ Творца, спѣши хрістіанинъ, открыть Ему двери, содѣйствуй приходу Господа въ твое сердце. Содѣйствуй молитвою, не той, которою уста молятся, а не сердце, но живой, сердечной, пламенной, которая сдѣлаетъ душу твою собесѣдницей съ Богомъ, которая „ищетъ Бога на небѣ и какъ бы побуждаетъ Его сойти къ намъ на землю“. Молись Господу неотступно съ вѣрою и надеждою, подобно патріарху Іакову, молившемуся Господу—*не отпущу Тебя, пока не благословишь меня!* (Быт. XXXII, 26). Содѣйствуй спасенію своему чтеніемъ слова Божія, чтеніемъ благоговѣйнымъ, памятуя, что слышишь голосъ Самого Бога, и съ готовностью исполнить волю Божію, повторяя въ сердцѣ своемъ: *Говори, Господи, рабъ Твой слушаетъ!* (1 Царств. III. 10).

Содѣйствуй спасенію стремленіемъ къ святости, ищи славы Божіей, мыслями, чувствами, подражай Хрісту! И тогда—тогда, говоритъ Господь, *Я войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною* (Апок. III. 20). Тогда хрістіанинъ будетъ жить въ тѣсномъ единеніи со Хрістомъ, тогда хрістіанинъ исполнитъ *дѣло свое*.

Братіе хрістіане! Неужели мы огрубѣли духовно настолько, что такая безмѣрная любовь Спасителя и Искупителя нашего къ Своему падшему созданію не влечетъ насъ къ Нему и мы остаемся неподвижны? Во имя крестныхъ Его страданій пойдемте за Хрістомъ! Не оставимъ Того, Кто пригвожденный ко кресту грѣхъ ради нашихъ взывалъ: *Боже, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ!* (Мѣ. XXVII, 46).

Откроемъ Господу двери сердца нашего. Вѣдь одно необходимо намъ—обладать Хрістомъ, а земное счастье переходитъ съ годами жизни нашей. Воскликнемъ Господу изъ глубины сердца: *приди, Господи, къ намъ, мы ждемъ Тебя, дай намъ вкусить неизглаголанную сладость общенія Твоего на вечера съ Тобою!* Аминь.

Инспекторъ Вологодской Дух. Семин. Н. Хильтовъ.

ГОГОЛЬ, КАКЪ ХРИСТИАНИНЪ.

(Окончаніе).

III.

Глубоко-вѣрующій христіанинъ не можетъ не быть глубокимъ патриотомъ, по примѣру великаго Учителя — Христа, Который нѣкогда плакалъ о гибели Своего земного отечества. Гоголь былъ глубокой патриотъ, вѣрнопопданный своему Государю и глубоко любящій сынъ отечества.

О Царѣ онъ пишетъ: „Монархъ есть Божій помазанникъ, обязанный вести вѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ... Пушкинъ уподобляетъ его древнему Боговидцу Моисею... Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба миллионовъ его собратій, кто страшную отвѣтственностію за нихъ предъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности предъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ, можетъ быть, незримо такія слезы и страдаетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человекъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся кликъ Божій, неумолкаемо къ нему воніющій,—тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтренно-кружащееся племя, которое, на мѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя самихъ созданныхъ кумировъ“...

„Поэты прозѣвали высшее значеніе Монарха, слыша, что онъ неминуемо долженъ сдѣлаться весь одна любовь, и такимъ образомъ станетъ видно всѣмъ, почему Государь есть образъ Божій, какъ это признаетъ, покуда чутъемъ, вся наша земля“...

По поводу европейскихъ толковъ и разногласій о *самодержавіи* Гоголь даетъ такой ясный, убѣжденный отвѣтъ:

„*Полномочная власть* Монарха не упадетъ, но возрастетъ, по мѣрѣ того, какъ возрастетъ образованіе всего человѣчества. Чѣмъ болѣе всякое званіе и должность стануть входить въ свои законные предѣлы, тѣмъ больше окажется потребность верховодящей силы, которая, собравши въ себѣ всю силу отдѣльныхъ единицъ, показала-бы въ себѣ доблести высшія, приближающія человека прямо къ Богу,—тѣ верховныя собирательныя качества и свойства, которыхъ не могутъ имѣть отдѣльныя единицы. Полюбить весь миллионъ, какъ одного человека, труднѣй, чѣмъ полюбить немногихъ; возскорбѣть болѣзнями всѣхъ людей, какъ болѣзнями ближайшаго друга, и мыслить о спасеніи всѣхъ до одинаго, какъ бы о спасеніи своей собственной семьи, можетъ исполнѣ только тотъ, которому это поставлено въ непремѣнный

законъ, и который слышитъ, что за неисполненіе его онъ подвергнется такому страшному отвѣту передъ Богомъ, какъ и всякая отдѣльная единица за неисполненіе своего долга на своемъ поприщѣ. Не будь этой верховодящей силы,—обнищаетъ духъ человѣчества. *Полномощная власть* Государя потому теперь *ослабляется* въ Европѣ, что ни Государямъ, ни подданнымъ не объяснилось ея полное значеніе“. (Власть Государя—явленіе бессмысленное, если онъ не почувствуетъ, что долженъ быть образомъ Божиимъ на землѣ)... Когда онъ почувствуетъ, что долженъ показать въ себѣ людямъ образъ Божій... „въ образецъ своихъ дѣйствій возьметъ Самого Бога, которая такъ слышны въ исторіи всего человѣчества и еще виднѣе въ исторіи того народа, который отдѣлилъ Богъ за тѣмъ, чтобы царствовать въ немъ Самому и *показать царямъ, какъ царствовать*. И какъ Онъ небесно царствовалъ! Какъ умѣлъ возлюбить Свой народъ! Съ какою любовію училъ его и съ какимъ небеснымъ долготерпѣніемъ ждалъ его исправленія! Какъ неохотно поднималъ карающій бичъ Свой!.. Какъ и самыя казни посылалъ не за тѣмъ, чтобы уничтожить человѣка, но за тѣмъ, чтобы спасти его“... Когда истощены были всѣ средства и ничто не было въ силахъ образумить народъ, „рѣшается принести Себя въ жертву за всѣхъ, чтобы цѣной такой жертвы побѣдить и самую правду Свою, показать людямъ, что такая любовь уже выше всего, и сама по себѣ есть уже верховное правосудіе небесное! Все сказалъ Богъ, какъ нужно дѣйствовать въ отношеніи къ людямъ тому, кто захочетъ показать имъ Его образъ въ себѣ. А что бы показать въ тоже время царю, какъ онъ долженъ дѣйствовать относительно Его Самого, Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, онъ оставилъ имъ образцы въ помазанныхъ Имъ же царяхъ Давидъ и Соломонъ, которые пребывали всѣмъ существомъ своимъ въ Богѣ... Такъ въ книгѣ Божіей содержится полное и совершенное опредѣленіе Монарха... а не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Оно еще не приходило въ умъ европейскимъ правовѣдцамъ, но у насъ его слышали поэты, отъ того и звуки ихъ становились библейскими“.

Въ частности же, о нынѣ благополучно царствующемъ Домѣ Романовыхъ у Гоголя находимъ слѣдующія незабвенныя строки:

„Ни одинъ царскій домъ не начинался такъ необыкновенно, какъ начался домъ Романовыхъ. Его начало было уже подвигомъ любви. Послѣдній и низшій подданный въ государствѣ принесъ и положилъ свою жизнь, для того, чтобы дать намъ Царя, и сею чистою жертвою связалъ уже неразрывно Государя съ подданнымъ. Любовь вошла въ нашу кровь, и завязалось у насъ у всѣхъ родство съ царемъ. (И такъ слился и сталъ одно—едино съ подвластнымъ повелитель, что намъ всѣмъ видится теперь

всеобщая бѣда: Государь-ли позабудетъ своего подданнаго и отрѣшится отъ него, или подданный позабудетъ своего Государя и отъ него отрѣшится). Какъ явно тоже оказывается воля Бога—избрать для этого фамилію Романовыхъ, а не другую! Какъ непостижимо это возведеніе на престолъ никому неизвѣстнаго отрока! Тутъ же рядомъ стояли древнѣйшіе родомъ, и притомъ мужи доблести, которые только что спасли свое отечество: Пожарскій, Трубецкой, наконецъ князья, по прямой линіи происшедшіе отъ Рюрика. Всѣхъ ихъ мимо прошло избраніе, и ни одного голоса не было противъ: никто не смѣлъ предъявлять правъ своихъ! И случилось это въ то смутное время, когда всякій могъ вздорить и оспаривать, и набирать шайки приверженцевъ. И кого же выбрали? Того, кто приходился по женской линіи родственникомъ Царю, отъ котораго недавній ужасъ ходилъ по всей землѣ“...

Любя Царя, Гоголь любилъ и свою отчизну:

„Какъ полюбить братьевъ? Какъ полюбить людей?

Душа хочетъ любить одно прекрасное, а бѣдные люди такъ несовершенны! Какъ же сдѣлать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы—русскій. Для русскаго теперь открывается этотъ путь, и этотъ путь—есть сама Россія. Если только возлюбить русскій Россію, возлюбить и все, что ни есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь Самъ Богъ... А не полюбивши Россіи, не полюбите вамъ своихъ братьевъ, не возгорѣтся вамъ любовью къ Богу, не спасетесь вамъ“...

Мы хотѣли-бы напомнить читателю мысли Гоголя еще по двумъ животрепещущимъ вопросамъ: во-первыхъ, о свободѣ и во-вторыхъ, о судѣ.

По вопросу о свободѣ Гоголь замѣчаетъ слѣдующее:

„Все у насъ теперь расплылось и разшнуровалось. Дрянъ и тряпка сталъ всякъ человѣкъ; обратилъ самъ себя въ раба самыхъ пустѣйшихъ мелкихъ обстоятельствъ, и *нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ истинномъ смыслѣ*. Эту свободу одинъ мой пріятель, который съ вами лично не знакомъ, но котораго, однакоже, знаетъ вся Россія, опредѣляетъ такъ: „свобода не въ томъ, чтобы говорить произволу своихъ желаній: *да*, но въ томъ, чтобы умѣть сказать имъ: *нѣтъ*“. Онъ правъ, какъ сама правда. Никто теперь въ Россіи не умѣетъ сказать самому себѣ этого твердаго—*нѣтъ*. Никогда я не вижу мужа. Пусть же безсильная женщина ему о томъ напомнить! Стало такъ теперь все чудно, что жена должна повелѣть мужу, дабы онъ былъ ея глава и повелитель“.

Столь же оригинальныя мысли высказываетъ Гоголь и о судѣ.

„Судите всякаго человѣка двойнымъ судомъ и всякому дѣлу давайте двойную расправу. Одинъ судъ долженъ быть человѣческій: на немъ оправдайте праваго и осудите виновнаго. Ста-

райтесь, чтобы это было при свидѣтеляхъ, чтобы тутъ стояли и другіе, чтобы всѣ видѣли ясно, какъ день, чѣмъ одинъ правъ и чѣмъ другой виноватъ. Другой судъ сдѣлайте Божескій: на немъ осудите и праваго, и виноватаго. Выведите ясно первому, какъ онъ самъ былъ тому виною, что другой его обидѣлъ, а второму—какъ онъ вдвойнѣ виноватъ и предъ Богомъ, и предъ людьми; одного укорите, зачѣмъ не простилъ своему брату, какъ повелѣлъ Христосъ; а другого попрекните, зачѣмъ онъ обидѣлъ Самого Христа въ своемъ братѣ; а обоимъ вмѣстѣ дайте выговоръ за то, что не примирились сами собою и пришли на судъ, и возьмите слово съ обоихъ исповѣдаться непремѣнно на исповѣди во всемъ“...

Закончимъ изображеніе назидательныхъ мыслей Гоголя словами его завѣщанія: „Возлагаю обязанность на друзей моихъ собрать всѣ мои письма, и, сдѣлавши изъ нихъ строгій выборъ только того, что можетъ доставить какую нибудь пользу душѣ, издать отдѣльною книгою... Въ этихъ письмахъ было кое что послужившее на пользу тѣмъ, къ которымъ они были писаны. Богъ милостивъ; можетъ быть, послужатъ они на пользу и другимъ... „Мнѣ хотѣлось, хотя симъ искупить бесполезность всего, доселѣ много написаннаго, потому что въ моихъ письмахъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, чѣмъ въ моихъ сочиненіяхъ“...

*
* *

Чѣмъ жива наша русская православная душа.

(Продолженіе).

X.

Въ концѣ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ былъ въ лаврѣ въ числѣ пѣвчихъ послушникъ Александръ Поляковъ. Онъ обладалъ довольно звучнымъ и красивымъ басомъ и отличался добрымъ, простымъ характеромъ. И случилось съ нимъ немало искушеніе: сталъ лишнее выпивать, а тамъ и недоброе знакомство завелъ. Когда страсть одолѣетъ человѣка, то поработаетъ его, по слову Христову: *творяй грѣхъ рабъ есть грѣху*. Тоже случилось и съ Поляковымъ. И упрекала его совѣсть, и пытался онъ бороться съ страстью, да былъ безсиленъ. Нужно было содѣйствіе Божіей благодати, а для сего—смиреніе нелицемѣрное. И вотъ однажды во снѣ онъ видитъ себя въ нижнемъ лаврскомъ саду; онъ идетъ къ кукольнымъ воротамъ, а на встрѣчу ему—преподобный Сергій, весь во свѣтѣ, съ игуменскимъ посохомъ въ рукѣ. Чувствуя себя виноватымъ предъ угодникомъ Божиимъ, онъ хотѣлъ вернуться, чтобы избѣжать встрѣчи, но слышитъ его властный голосъ: „остановись!“ Тогда онъ бросается въ ноги

святому игумену и просить прощенія и благословенія. Преподобный строго посмотрѣлъ на Александра и стуча посохомъ сказалъ ему: „доколѣ ты будешь грѣшить? Смотри: я накажу тебя или изгоню изъ обители!“

И—Александръ проснулся... Въ трепетѣ проплакалъ онъ до утра, а утромъ пошолъ къ своему двоюродному брату—иноку Д., въ слезахъ сокрушенія сердечнаго повѣдая ему бывшее.

— Надо, братъ, исправиться, бросить свои грѣхи. Иначе и въ самомъ дѣлѣ преподобный не потерпитъ—накажетъ, сказалъ о. Д.

Три дня проплакалъ Александръ; бросилъ и водку, и грѣшное знакомство.

Прошло года полтора. Молодость взяла свое: онъ снова увлекся своими прежними пороками. Теперь уже никакихъ явленій не было, а началось наказаніе: у него стали болѣть и отниматься ноги, началось страданіе спиннаго мозга; его свезли въ Москву, въ Ново-Екатерининскую больницу, гдѣ пролежалъ онъ съ полгода; потомъ взяли въ свою лаврскую больницу... Тамъ не разъ лежалъ и я, мы сдружились и онъ удивлялъ меня своимъ истинно-монашескимъ терпѣніемъ и преданностію волѣ Божіей. Правда, когда я, оправившись, выходилъ изъ больницы, онъ плакалъ, что ему ужъ не придется выйти оттуда, но скоро же и отдавалъ себя въ волю Божію. Когда меня, больнаго, постригали въ монашество въ больничной палатѣ, Александръ со слезами умиленія пѣлъ для меня: *Объятія Отца отверсти ми потщися...* Наконецъ, онъ не могъ ходить даже и на костыляхъ. Лежащаго въ постели его также постригли и нарекли Алексіемъ. Настала Пасха 1881 г. Рядомъ съ нимъ лежалъ добрѣйшій старецъ, іеромонахъ Мелетій (онъ тоже вскорѣ скончался). Проснувшись ночью на понедѣльникъ Пасхи, о. Мелетій ощутилъ какое-то особенное благоуханіе въ палатѣ и обратилъ вниманіе на сосѣда, о. Алексія. Онъ тихо ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ: очевидно молился. Наконецъ рука его опустилась, глаза закрылись... Снова на минуту повѣяло благоуханіемъ. Онъ спокойно лежалъ. Прислушавшись къ нему, о. Мелетій замѣтилъ, что онъ уже не дышитъ... Его кающаяся и умиротворенная скорбями и Божіей благодатью душа уже отлетѣла къ Господу...

Что это было за благоуханіе? Покойный о. Мелетій, старецъ высокой духовной жизни, объяснилъ себѣ это такъ: „преподобный Сергій строго наказалъ своего инока, а предъ смертію простилъ его и въ послѣднюю минуту жизни—благословилъ“...

Царство имъ обоимъ небесное!

XI.

Въ 1890 году въ лавру поступилъ одинъ купеческій сынъ, совсѣмъ больной человѣкъ: у него были такія боли въ спинѣ и поясницѣ, что по временамъ онъ ночи не спалъ отъ страданій

Усердно онъ просилъ преподобнаго исцѣлить его, обѣщая послужить по мѣрѣ силъ его обители. И вотъ однажды, едва заснувъ отъ мучительныхъ болей, онъ видитъ себя въ Троицкомъ соборѣ стоящимъ у праваго клироса, мощи угодника Божія освѣщены множествомъ лампадъ, въ храмѣ не видно богомольцевъ, только кто-то среди церкви читаетъ полунощницу. Вдругъ онъ слышитъ звукъ блока, на коемъ ходитъ крышка гроба преподобнаго, и видитъ онъ, что крышка поднимается и преподобный, въ мантии и клобукѣ, встаетъ изъ гроба и идетъ къ нему. Милостиво смотритъ на него угодникъ Божій, подходитъ, тихо проводитъ рукою по его болящей спинѣ сверху внизъ и говоритъ: „чадо не скорби: спина твоя будетъ здорова“...

Больной проснулся и почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Нѣтъ нужды говорить, какъ онъ благодарилъ угодника Божія за свое исцѣленіе.

Прошло года два. Послушнику было поручено такое послушаніе, которое, за великіе труды, при немалыхъ огорченіяхъ, и награждалось хорошо: за семь восемь мѣсяцевъ онъ надѣялся получить крупную для него сумму денегъ. Но начальство нашло, что для монаха это слишкомъ много и почти на половину сократило ожидаемую цифру. Заскорбѣлъ послушникъ. Къ тому же у него въ Сергіевомъ посадѣ жили двѣ сестры—дѣвушки, которыя всецѣло были на его попеченіи. И сталъ онъ роптать на начальство. Другіе прежде получали же, а онъ лишень... И вотъ, однажды, лежитъ онъ въ своей кельѣ и борется съ этими искусительными помыслами. Было около 11 часовъ ночи. Онъ еще не погасилъ лампы, какъ слышитъ у себя въ головахъ грозный голосъ: „будь доволенъ тѣмъ, что тебѣ дали: ты не за деньгами сюда пришоль!“

Онъ поднималъ голову и видитъ въ своей кельѣ тотъ образъ преподобнаго, который обносится по градамъ и вѣсямъ Московской епархіи съ ранней весны до поздней осени. Отъ лика угодника исходило сильное сіяніе...

Въ страхѣ вскочилъ съ постели послушникъ. „Поть катилъ съ меня градомъ“, рассказывалъ онъ мнѣ послѣ: „я былъ весь мокрый, трясся какъ въ лихорадкѣ“. Въ кельѣ было темно... Только лампадка свѣтилась предъ иконами. Онъ палъ въ благодарно-покаянной молитвѣ предъ святынею и со слезами благодарилъ угодника Божія за вразумленіе. А потомъ взялъ слѣдованную псалтирь и до 5 часовъ утра, когда уже зазвонили къ ранней обѣдни въ Сошественской церкви, читалъ молитвы стоя предъ иконами.

ХІІ.

Другой подобный случай.

Монахъ былъ на такомъ послушаніи, которое требовало много заботъ, причиняло много неприятностей и въ монашескомъ

смыслѣ имѣло немало искушеній для совѣсти иноческой. Однимъ изъ такихъ искушеній была возможность скопить малую толику изъ такъ называемыхъ въ міру „безгрѣшныхъ“ доходовъ, т. е. такихъ, въ коихъ отчета начальство не требуетъ, предоставляя распорядиться ими совѣсти монаха. И скопилъ монахъ такихъ денегъ рублей двѣстѣ, и поддался искушенію: не объявлять о нихъ начальству, а купить себѣ на нихъ мѣхъ для шубы. Служащіе-де алтарю отъ алтаря и питаются,—разсуждалъ онъ, почему же и мнѣ за тяжелый трудъ послушанія не сшить себѣ шубы на такія деньги, въ коихъ у меня отчета не потребуютъ? Другіе пользуются же, даже и начальствующіе“. И купилъ онъ себѣ мѣхъ песцовый, и привезъ изъ Москвы, и разложивъ на столъ, любовался имъ: вотъ-де будетъ теплая шуба! Довольный своею покупкою, онъ легъ въ постель.*

Но не долго спалъ онъ спокойно. Снится ему, что онъ въ Троицкомъ соборѣ, что подходитъ онъ ко гробу преподобнаго, дѣлаетъ обычный поклонъ и наклоняется чтобъ приложиться къ мощамъ, но вдругъ видитъ: преподобный лежитъ живой, вотъ онъ поднимаетъ руку и отстраняетъ монаха отъ себя говорить ему:

— „Воръ! Иди прочь!“

Въ трепетѣ проснулся инокъ. Часы пробили два часа по полуночи. Въ коридорѣ скоро послышался звонокъ будильщика къ утрени. Монахъ вскочилъ съ постели, наскоро умылся, одѣлся, вынулъ изъ комода двѣ сторублевки изъ своихъ сбереженій и поспѣшно пошелъ въ соборъ. Тамъ припадая къ рацѣ угодника Божія, онъ исповѣдалъ ему свой монашескій грѣхъ и незамѣтно для другихъ опустилъ въ прикладную кружку свои сторублевки.

— Прости меня, угодникъ Божій, говорилъ онъ въ своемъ сердцѣ со слезами умиленія: благодарю тебя, что вразумилъ меня грѣшника!

Черезъ нѣсколько дней въ лаврѣ рассказывали, что казначей, считая кружку, нашель въ ней 200 рублей, и добрые иноки говорили: „славу Богу, есть еще добрые благотворители, которые тайно жертвуютъ на обитель!“...

Тотъ же инокъ повѣдалъ мнѣ о себѣ: „однажды во снѣ вижу я преподобнаго Сергія и жалуясь ему на свои скорби по послушанію, а болѣе всего на себя самого, на страсти свои, и говоритъ мнѣ онъ, батюшка: „а ты каждый ли день берешь у меня благословеніе?“ И вспомнилъ я, что иногда и по недѣлѣ не прикладываюсь къ св. мощамъ его, и съ того времени сталъ я внимательнѣе къ сему „благословенію“ преподобнаго“.

ХІІІ.

Не оставляетъ безъ покрова преподобный и тѣхъ, кто желаетъ всѣмъ сердцемъ послужить его обители.

Юноша-послушникъ долженъ былъ выйти изъ обители, чтобъ отправить воинскую повинность. Напугствуя его, старецъ говорилъ: „предай себя всецѣло въ волю Божию: если возьмутъ въ солдаты—знай, что такова воля Божія, и служи Царю и отечеству въ вѣрой и правдой, храня себя въ чистотѣ душевной и тѣлесной, а если Богу это не угодно—вернешься съ миромъ въ обитель и будешь добрый монахъ. Не желай себѣ ни того, ни другого: ни военной службы, ни монашества—теперь же: Богъ лучше знаетъ, что для тебя полезнѣе“.

Съ миромъ отправился въ путь, на свою родину, добрый послушникъ. Вотъ - онъ уже въ своемъ уѣздномъ городѣ; завтра идти надо въ воинское присутствіе. Помолившись Богу, онъ спокойно заснулъ въ ту ночь.

И видитъ онъ во снѣ: стоитъ онъ у воротъ монастырскихъ, а около него благолѣпный старецъ въ мантии. Въ стѣнѣ какъ будто углубленіе (ниша). И говоритъ ему старецъ:

— „Стань тутъ, пока они пройдутъ!“

А самъ поднимаетъ край своей мантии и прикрываетъ ею юношу...

И вотъ, видитъ онъ: мимо него проходятъ молодые люди, и знаетъ онъ, что все это—новобранцы—его сверстники, что и ему бы надо съ ними быть, но этого не хочетъ старецъ...

Въ умиленіи проснулся юноша и отправился въ воинское присутствіе уже увѣренный, въ сердцѣ, что его освободятъ.

Однако же номера по жребію уже приближаются къ его номеру. Слышитъ онъ, что вызванъ его сосѣдь по номеру. Надо снимать одежду для осмотра. И онъ приготовился... Еще минутадвѣ... Изъ зала слышится: „принять. Довольно!“

Комплектъ набранъ. Нашъ юноша свободенъ. Съ миромъ и радостью вернулся онъ сначала подъ кровъ родительскій, чтобъ утѣшить плачущихъ отца и мать, а потомъ и въ родную лавру...

Такъ игуменитъ въ своей обители преподобный Сергій.

XIV.

Преподобный Сергій—нашъ родной угодникъ Божій; справедливо говорилъ одинъ старецъ его обители: „полюби святаго Сергія, онъ былъ *русскій* въ душѣ; полюби его искренно и онъ тебя полюбитъ“. Не напрасно же наши лѣтописцы называютъ его „игуменомъ всея Руси“: вся Русь имъ представляется какъ бы однимъ великимъ монастыремъ, въ которомъ и игуменитъ преподобный Радонежскій чудотворецъ. Но есть другой угодникъ Божій, грекъ по происхожденію, жившій за 500 лѣтъ до начала самой Руси, и однакоже столь близкій русскому сердцу, что въ рѣдкомъ православномъ домѣ нѣтъ его святой иконы, въ рѣдкой семьѣ нѣтъ носителя его имени, а въ первопрестоль-

ной столицѣ нашей Москвѣ болѣе 160 храмовъ посвящено этому дорогому для насъ угоднику Божию. Вы, конечно, поняли, чье имя я хочу съ любовью и благоговѣніемъ назвать: это—святитель Христовъ *Николай Чудотворецъ!* У кого изъ православныхъ не забьется радостно сердце при этомъ святомъ имени? Живъ, постоянно живъ и этотъ угодникъ Божій въ сознаниі нашего вѣрующаго народа и я могу нѣчто повѣдать во славу его.

23 го декабря 1908 года скончался извѣстный Московскій юристъ *Ө. Н. Шлевако.*

Вотъ трогательное сказаніе этого вѣрующаго, высокообразованнаго человѣка изъ поры его юности о томъ, какъ святитель Николай чудотворецъ, этотъ великій милосливецъ, „поставилъ ему пятерку на экзаменѣ“, какъ выражался самъ покойный рассказчикъ.

— Учился я въ Московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. У моей матери не было средствъ содержать меня и потому я доставалъ эти средства уроками. Одну зиму привелось даже провести въ семьѣ ученика въ Берлинѣ, гдѣ я и слушалъ знаменитаго юриста по римскому праву. Возвратясь въ Москву, я явился на экзаменъ, конечно, приготовившись отвѣчать по лекціямъ берлинской знаменитости. А въ нашемъ университетѣ читалъ тогда римское право настоящій русакъ—*Никита Ивановичъ Крыловъ.*

Вызвалъ онъ меня, предложилъ взять билетъ; я взялъ, дошла очередь—отвѣчаю хорошо, какъ мнѣ казалось. Но—о, ужась!—профессоръ ставитъ мнѣ единицу...

Я не посмѣлъ что либо сказать ему, да и не понималъ, что это значить, а протесты тогда, въ родѣ нынѣшнихъ, были не въ модѣ...

Возвратился я домой и никому ничего не сказалъ. На утро мать говоритъ мнѣ: „Өдя! что же ты не идешь на экзаменъ?“

— У насъ нѣтъ сегодня экзамена, отвѣчаю я.—Жаль мнѣ было старушку разстроить печальнымъ сообщеніемъ, что я уже провалился по самому главному предмету факультета.

Насталъ вечеръ. Она опять напомнила мнѣ объ экзаменѣ.

— Завтра, мама, отвѣтилъ я ей машинально, чтобъ только отдѣлаться какънибудь отъ ея вопроса.

Наступило и завтра. Я хожу да посвистываю. Думаю: авось старушка моя забыла объ экзаменѣ. А она опять:

— Не пора ли тебѣ въ университетъ?

— Вечеромъ будетъ экзаменъ, отвѣчаю я.

Вотъ и вечеръ.

— Да пора же тебѣ, өдя, итти, напоминаетъ она.

— Сейчасъ иду, мама, сказалъ я и сталъ собираться.

— А я тебя провожу до университета, говоритъ мать.

Дѣлать нечего: иду. Жили мы на Остоженкѣ. Идемъ мимо храма Спасителя. Мать и говоритъ:

— Зайдемъ, Оеда, въ часовню святителя Николая: онъ тебѣ поможетъ.

Иду я и въ часовню, на другомъ берегу Москвы-рѣки, у Каменнаго моста. Она вошла въ часовню, взяла свѣчку, колѣно-преклоненно стала молиться. И такъ мнѣ стало жаль старушку, что я ее обманываю!.. И обратился я мысленно къ угоднику Божию:

— Батюшка, угодникъ Божій! Вѣдь право же я не хотѣлъ бы ее обманывать, да ужъ очень жаль мнѣ ее: вѣдь какъ она опечалится, когда правду-то узнаетъ! Утѣшь ее, угодникъ Божій, какъ ты знаешь!..

Помолившись, матушка сказала:

— Ну, теперь пойдемъ, сынокъ!

Дошли мы до университета. Мать говоритъ мнѣ:

— Иди, Оеда, а я вотъ тутъ, у бюста Ломоносова, посижу—тебя подожду.

Дѣлать нечего: надо идти въ зданіе университета. Думаю: войду въ залъ, хоть послушаю, какъ товарищи отвѣчаютъ.

Дверь приходилась такъ, что заходящее солнце облило меня своими лучами, когда я входилъ въ аудиторію.

Вдругъ слышу громкій голосъ Никиты Ивановича, вызывающій меня по фамиліи:

— Плевако!

Я подошелъ къ столу.

— Всю ночь ты не давалъ мнѣ спать,—тутъ профессоръ выбранилъ меня не особенно лестнымъ словомъ: ну, хочешь отвѣчать?

Я говорю, что лучше отвѣчать не умѣю, какъ вчера отвѣчалъ, потому что готовился по лекціямъ профессора...

— А, ты хотѣлъ похвастать, что по-нѣмецки знаешь, въ подлинникъ нѣмецкихъ профессоровъ читаешь! А своего русскаго профессора лекціи не хотѣлъ и просмотрѣть?!

Тогда я объяснилъ профессору, почему не могъ знать его лекцій и полагалъ, что можно и по нѣмецкимъ лекціямъ отвѣтить...

— Ну такъ бы и говорилъ, а я почему знаю, гдѣ ты былъ зимою? уже снисходительно - добродушно сказалъ профессоръ и приказалъ взять билетъ.

Я взялъ, отвѣтилъ прекрасно, и профессоръ переправилъ мою единицу на пятерку! Такъ святитель Николай поставилъ мнѣ пятерку, заключилъ почтенный юристъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).